

0- 794527

Ру

На правах рукописи

СКЛИЗКОВА Тина Алексеевна

ОБРАЗ АРКАДИИ В АНГЛИЙСКОМ РОМАНЕ XX ВЕКА

Специальность

10.01.03 – литература народов стран зарубежья
(английская литература)

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Владимир – 2012

Работа выполнена в ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых»

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент
Половинкина Ольга Ивановна
ФГБОУ ВПО «Российский
государственный гуманитарный
университет»

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Приходько Ирина Степановна
РАН «Институт мировой литературы им.
А.М. Горького РАН»

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

кандидат филологических наук, доцент
Шишкина Светлана Григорьевна
ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный химико-
технологический университет»

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Магнитогорский
государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

Защита состоится 14 марта 2012 года в 13-00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.062.04 при ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет» по адресу: 153025, Иваново, ул. Ермака, д. 37, ауд. 403.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Автореферат разослан «__» _____ 2012 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Handwritten signature of E.M. Tyuleneva.

Е.М.Тюленева

Общая характеристика работы

В современном мире художественное сознание формируется в контексте глобализации, которая охватывает все сферы человеческой деятельности. Появляется угроза «растворения» отдельных народов в некоем «наднациональном единстве», которая ощущается не только этническими меньшинствами, но и нациями, сыгравшими заметную роль в истории Западного мира, такими, как англичане.

Актуальность исследования определяется острым интересом к проблеме национального в постколониальную эпоху. XX век стал для Британии веком крушения империи, с которой в существенной мере была связана национальная картина мира. Процесс осознания национальной идентичности становится в высшей степени интенсивным. Рефлексия по поводу английскости является важным мотивом английского романа XX века, предопределяет его специфику как явления национальной культуры.

В XVIII веке Англия стала ядром надэтнического объединения, получившего название Великобритании. Образование британской нации приводит к тому, что самобытные черты англичан как этнического сообщества постепенно сходят на нет и становятся социокультурными. Разделяя понятия «английскость» и «британскость», английский писатель Джон Фаулз констатирует, что для британскости значимо все, связанное с империей, в то время как английскость ассоциируется с образом сельской Англии (English countryside). В определении П. Парриндера («Нация и роман», 2006), английская сельская местность является «сердцевиной национальной идентичности» («heartland of national identity»)¹. Сельская Англия изображается в национальной литературе как утопическая идеальная страна, Аркадия, в основе которой лежит пасторальный топос «locus amoenus» (приятное место). Литературный образ Аркадии, начиная с «Буколик» Вергилия, подразумевает следующие значения: созданная авторским воображением счастливая страна вечной любви и красоты, воплощение земного рая, возможного лишь в сельской местности, недостижимая и нереальная, противопоставленная негармоничному городу. Пастушеский мир Аркадии имеет семантику убежища от активного действия, от реального мира, потока времени, смерти.

Образ Аркадии был спроецирован на Англию в романе «Аркадия» (1590) Ф. Сидни. Впоследствии этот образ неявно присутствует во всяком идеализированном изображении Англии. В XX веке образ Англии-Аркадии выводит на поверхность И. Во в романе «Возвращение в Брайдсхед» («Brideshead Revisited», 1945), в котором возвращение из ужаса и хаоса XX века в поместье, олицетворяющее традиционную Англию,

¹ Parrinder, P. Nation and novel. The English Novel from its Origins to the Present Day / P. Parrinder. – L.: Oxford University Press, 2006. P. 397.

приравнивается к возвращению в Аркадию. Поместную Англию называет Аркадией Т. Споспард в одноименной пьесе («Arcadia», 1993). В тех произведениях английской литературы XX века, в которых речь идет об Англии и английскости, образ Англии-Аркадии возникает и тогда, когда само слово «Аркадия» не употребляется.

Наиболее яркое воплощение в английской литературе XX века образ Англии-Аркадии получил в жанре романа. Более того, из всех литературных жанров именно роман в силу его широкой популярности вносит особенно важный вклад в конструирование национального воображаемого. Предметом исследования в диссертации является литературный образ Аркадии в английском романе XX века, с одной стороны, воплощающий мифологизированное представление об Англии, а с другой стороны, достраивающий его, группирующий вокруг себя основные понятия национальной концептосферы, такие как «home» («дом»), «freedom» («свобода»), «privacy» («приватность»), «gentleman» («джентльмен»), «fair play» («честная игра»), «stiff upper lip» («сдержанность»), «tradition» («традиция»), «heritage» («наследие»).

В английском национальном самосознании образ Аркадии проецируется на сельскую усадьбу, которая воспринимается как средоточие национальной жизни, организующее начало, объединяющее все сословия. На рубеже XIX – XX веков усадьба ассоциируется с ностальгией по миру порядка и стабильности, который представляется некогда существовавшим, а потом утраченным. В английской литературе первой половины XX века заметным явлением становится роман об усадьбе (country-house novel), в котором образ Аркадии составляет доминирующий элемент жанрового канона. В эпоху постмодерна кризис национальной идентичности делает образ Англии-Аркадии чрезвычайно распространенным, он так или иначе возникает практически в каждом английском постмодернистском романе. Не составляют исключения постколониальные романы, такие как «Остаток дня» («The Remains of the day», 1989) К. Исигуро или «Загадка появления» («The Enigma of Arrival», 1987) В.С. Найпола, которые подчеркивают, что образ Англии как Аркадии выражает специфически английский взгляд на мир.

Цель работы: исследовать образ Аркадии, создаваемый в английских романах XX века в качестве образного воплощения английской национальной идеи, а также связанные с ним особенности структуры романного жанра в английской литературе XX века. Обозначенная цель предполагает решение следующих задач:

1. Выявить составляющие литературного образа Англии-Аркадии в английском романе XX века;
2. проследить трансформацию этого образа в английском романе от первой половины XX века до эпохи постмодерна;
3. выявить основные элементы структуры жанрового канона романа об усадьбе;

4. изучить особенности исторического и утопического/антиутопического типа повествования в английском постмодернизме в связи с трансформацией образа Англии-Аркадии;
5. исследовать роль английского романа XX века в конструировании «национального воображаемого» и осознании современного состояния национальной идентичности.

Объектом исследования в диссертации является английский национальный миф как объект конструирования и «деконструкции» в английском романе XX века.

Материалом исследования в первой главе диссертации являются романы, которые составляют ядро жанрового канона романа об усадьбе. Это «Топо-Бенге» («Tono-Bungay», 1909) Г. Уэллса, «Говардс Энд» («Howards End», 1910) Э.М. Форстера, «Пригоршня праха» («Handful of Dust», 1930) И. Во. Во второй главе образ Аркадии рассматривается как характерный практически для всей английской постмодернистской прозы. Поэтому в качестве материала исследования в диссертацию включается роман Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» («The French Lieutenant's Woman», 1969), в котором образ усадьбы на первый взгляд является периферийным. Роман Дж. Фаулза представляет исторический тип повествования, нацеленный в постмодернистской прозе на конструирование «национального воображаемого». Сходной функцией обладает утопический/антиутопический тип повествования, который анализируется в диссертации на материале романа Дж. Барнса «Англия, Англия» («England, England», 1998). Если роману Дж. Фаулза присущи некоторые жанровые черты романа об усадьбе, то роман Дж. Барнса продолжает, с одной стороны, традицию утопического жанра, представленную «Топо-Бенге» Г. Уэллса, а с другой стороны, сатирическую линию, представленную романом И. Во «Пригоршня праха». Завершает исследование параграф, соединяющий две эпохи. В этой части работы устанавливаются интертекстуальные связи между романом И. Макьюэна «Искупление» («Atonement», 2002) и романом И. Во «Возвращение в Брайдсхед» («Brideshead Revisited», 1945), который признан репрезентативным текстом для жанра романа об усадьбе. Целостность исследования обеспечивается анализом трансформации образа Аркадии в английском романе от первой половины XX века до эпохи постмодерна.

Степень изученности проблемы. Исследования национального применительно к английской культуре ведутся преимущественно в рамках понятия «английскость». Проблема английскости на литературном материале рассматривается в работе Д. Жерве (Gervais D. Literary England: Versions of 'Englishness' in Modern Writing. L., 1993). Он исследует знаковые явления английской литературы первой половины XX века, как прозаические, так и поэтические. Взаимосвязь между романом жанром в

английской литературе и английской национальной идеей в самом общем плане рассматривается в известной книге П. Парриндера (Parrinder P. Nation and novel: the English novel from its origins to the present day. L., 2006). Эта проблема поднимается и в научных трудах, посвященных романам об усадьбе. Среди них особое место занимает работа К. Гвидон де Кончини («Visions and Revisions of the National Past in the British Country-House Novel, 1900 – 2001», 2008), в которой жанровая традиция представлена в ее целостности. Однако в задачи автора не входит исследование структуры жанрового канона романа об усадьбе, предпринятое в настоящей диссертации. В отечественном литературоведении работ, исследующих жанр романа об усадьбе, нет. Е.П. Зыкова в своей монографии «Пастораль в английской литературе XX века» (1999) подробно анализирует другой жанр, близкий по тематике, – поэму о сельской усадьбе. В отечественном литературоведении о понятии «английскость» в связи с художественной литературой размышляет Л.Ф. Хабибуллина в своей диссертации «Национальный миф в английской литературе второй половины XX века» (2011). В ее работе английский национальный миф исследуется преимущественно на романном материале. За последнее время вышло несколько диссертационных исследований (Е.Г. Петросовой, Е.С. Пургиной, И.В. Белозёровой), посвященных изучению английскости на материале творчества конкретных писателей. Однако ни в одной из этих работ Англии-Аркадия как литературный образ, посредством которого осуществляется осознание и конструирование национальной идентичности в английском романе XX века, не является предметом специального изучения.

Научная новизна исследования. В диссертации:

- 1) **впервые** в отечественном и зарубежном литературоведении исследуется образ Аркадии, создаваемый в английских романах XX века как образное воплощение английской национальной идеи;
- 2) **впервые** прослеживается трансформация этого образа в английском романе от первой половины XX века к эпохе постмодерна;
- 3) **впервые** исследуется роль английского романа XX века в конструировании «национального воображаемого» и осознании современного состояния национальной идентичности;
- 4) **впервые** в отечественном литературоведении предметом специального исследования становится жанровый канон романа об усадьбе.

Методологическая база исследования. В изучении проблемы национального важными для работы стали представления о нации как воображаемом продукте, сформулированные учеными постмодернистского направления (Б. Андерсон, Э. Саид, Х. Бхабха). Диссертация опирается на исследования, посвященные проблемам английскости (П. Брукнер, К. Хьюитт, П. Лэнгфорд, П. Коллз, К. Кумар, Дж. Паксман, Дж. Пристли); труды представителей отечественного и

зарубежного литературоведения, исследующих национальную проблематику на материале литературы (Т.Н. Бреева, В.Г. Зусман, О.Г. Сидорова, Н.А. Соловьева, М.В. Цветкова, Л.Ф. Хабибуллина, К. Гвидон де Кончини, Д. Лодж, П. Парриндер, Н. Нюннинг). Диссертация ориентирована на современные имагологические исследования (Ж.-М. Карре, М.-Ф. Гийяр), в частности, в интересе к ментальным структурам, которые служат основой национальной идентичности.

Национальная идея, воплощенная в образе Аркадии, исследуется с опорой на достижения школы биографии идей («History of Ideas»). У А.Н. Веселовского такой способ научного мышления получил наименование «истории идеалов». Работа в целом выполнена в русле исторической поэтики, отводящей жанрам место главных героев литературного процесса. В то же время интерпретация постмодернистской прозы требует использования понятий постмодернистской критики. В диссертационном исследовании в качестве таких понятий, помогающих раскрыть художественную природу романов Дж. Барнса и И. Макьюэна, выступает «симулякр», как он был описан в трудах Ж. Бодрийяра, и «палимпсест» по Ж. Женнету.

Положения, выносимые на защиту:

- Образ Аркадии, воплощающий сердцевину национального самосознания англичан и группирующий вокруг себя основные понятия национальной концептосферы, является одним из основных мотивов в английском романе XX века;
- в жанре романа об усадьбе первой половины XX века образ усадьбы, воплощающий Англию-Аркадию, служит жанровой доминантой, от которой зависят все остальные элементы художественной системы романа (система персонажей, изображение социального мира, развертывание сюжета, образная система, пейзаж);
- жанровый канон романа об усадьбе, как он складывается в начале XX века, включает в себя:
 1. образ поместного дома, воплощающий упорядоченность бытия, в основе которой лежит сохранение национальных культурных ценностей и социальной иерархии;
 2. изображение идиллического мира природы, воплощенного в образе поместного парка/сада и имеющего семантику утраченного Рая;
 3. противопоставление поместного мира модернизированному пространству города (Ада);
 4. мотив упадка Англии-Аркадии;
 5. мотив поиска утраченной гармонии, связанный с образом главного героя;

- обозначенные черты жанрового канона объединяют романы Г. Уэллса «Тоно-Бенге» (1909), Э.М. Форстера «Говардс Энд» (1910), И. Во «Пригоршня праха» (1934);
- в английском постмодернистском романе происходит трансформация образа Аркадии, связанная с новым пониманием национального, а также с изменениями в картине мира. Эта трансформация подразумевает переосмысление понятия «английскость», которое теряет свою аутентичность в эпоху консьюмеризма и приобретает черты симулякра.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что идея Англии как Аркадии рассматривается в широком литературно-критическом контексте как в диахроническом, так и синхроническом аспекте. Данное исследование является первым системным изучением образа Англии-Аркадии в жанре романа. Результаты диссертации могут найти применение при исследовании следующих проблем: 1) Образ Аркадии в английской драме XX века; 2) Образ Аркадии в английской малой прозе XX века; 3) Образ Аркадии в литературном сознании России и Англии второй половины XX века;

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования ее материалов в ходе дальнейшего изучения проблемы национальной идентичности и ее отражения в художественной литературе, а также в преподавании истории зарубежной литературы XX века, истории английской литературы, в спецкурсах и спецсеминарах в вузах и средних специальных учебных заведениях, на уроках литературы и мировой художественной культуры в школах гуманитарного профиля.

Соответствие содержания диссертации паспорту специальности, по которой она рекомендуется к защите. Диссертация соответствует специальности 10.01.03 – литература народов стран зарубежья (английская литература). Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: п. 3. – проблемы историко-культурного контекста, социально-психологической обусловленности возникновения выдающихся художественных произведений; п. 4. – история и типология литературных направлений, видов художественного сознания, жанров, стилей, устойчивых образов прозы, поэзии, драмы и публицистики, находящих выражение в творчестве отдельных представителей и писательских групп; 5. – уникальность и самоценность художественной индивидуальности ведущих мастеров зарубежной литературы прошлого и современности, особенности поэтики их произведений, творческой эволюции; п. 6. – взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур, их контактные и генетические связи.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры литературы ВлГУ им. Столетовых, на аспирантских семинарах, а также во время выступлений с

докладами на всероссийских и международных конференциях «Пуришевские чтения» (МПГУ, апрель 2009, 2010, 2011); «Англистика XXI века» (СПбГУ, январь 2010, 2011); «Россия и Восток: Язык – Культура – Ментальность» (ВГТУ, 2010); на международных научных конференциях преподавателей английской литературы «Метаморфозы жанра в литературе России и Англии» (ВГТУ, 2009) и «Литературная провинция» (УрГУ, 2011). Результаты работы отражены в 9 публикациях.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка, включающего 372 наименований. Общий объем работы составляет 7,7 печатных листов.

Основное содержание диссертации

Во **Введении** воссоздается представление об Англии-Аркадии как о сердцевине национального самосознания англичан, обосновывается выбор темы диссертации, ее актуальность и научная новизна, формулируется цель, задачи, определяются объект и предмет исследования, предлагаются положения, выносимые на защиту. Понятие «английскость» рассматривается в этой части работы с опорой на представления, выраженные в эссеистике английских писателей У. Хэзлитта, Дж. Фаулза, А.С. Байетт и американца Г. Джеймса.

В первой главе работы **«Образ Аркадии и его функционирование в жанровом каноне английского романа об усадьбе (country-house novel) первой половины XX века»** исследуется структура и бытование жанрового канона романа об усадьбе в английской литературе первой половины XX века. Глава открывается краткой историей формирования жанра, генезис которого возводится к произведениям Дж. Остин и готическому роману. В преамбуле с опорой на работы западных и отечественных исследователей выделяются основные структурные элементы романа об усадьбе, осмысливается значение образа Англии-Аркадии в поствикторианскую эпоху. «Магнетическим центром» романа является усадьба, которая выстраивает вокруг себя образную систему, ее история лежит в основе развития сюжета. Усадебный дом выступает символом гармонии и порядка, хранителем национальной культуры, оплотом социальной иерархии. Усадебный парк/сад обладает всеми признаками *locus amoenus*, имеющим семантику убежища от активного действия, потока времени, смерти. Действие такого романа предполагает несколько этически окрашенных временных перспектив: тяготение к воображаемому гармоничному прошлому, отрицание хаотического настоящего, утверждение морального превосходства утопического мира вне времени.

Первый параграф **«Черты аркадного жанра “роман об усадьбе” («country-house novel») в романе Г. Уэллса “Тоно-Бенге”** посвящен утопическим аспектам образа утраченной Англии-Аркадии. «Тоно-Бенге»

называют первым английским романом XX века, созданным в жанре «роман об усадьбе». Усадьба Блейдсовер, которая описывается в самом начале романа, является ключом к пониманию всей структуры произведения.

Читатель видит поместье Блейдсовер летним солнечным днем сквозь призму детских воспоминаний Джорджа Пондерво, главного героя романа. По мысли П. Парриндера, длинное эдвардианское лето в «романах об усадьбе» становится метафорой мирного и невинного времени перед упадком¹. В романе Г. Уэллса упадок ассоциируется с индустриальным развитием Англии, которое приносит такие же масштабные разрушения, как и война.

Вспоминая свое детство в Блейдсовере, Джордж утверждает, что только там и был по-настоящему счастлив. Блейдсовер видится ему как упорядоченный мир, где все живут в соответствии с социальной иерархией. Для Г. Уэллса именно в этом заключается основа цельности английского общества, где каждый исполняет ту роль, которая ему отведена по рождению и образованию. Герою поместье Блейдсовер кажется своеобразным островом посреди хаоса современной жизни.

К появлению олицетворяющего хаос «смешанного общества» приводит городская жизнь. Оппозиция «сельская местность – город» выстраивается в процессе противопоставления усадебного дома городским квартирам. Попав в Лондон, Джордж подробно описывает первую квартиру своего дяди. Эдуард Пондерво вместе со своей женой живет в доме, который разгорожен на несколько квартир. Он занимает первый этаж, который раньше использовался как гостиная комната, крошечная кухня располагается в полуподвальном помещении, ванная и другие удобства отсутствуют. Эдуард и его жена не могут даже нанять прислугу, так как в этом доме нет лишней комнаты, чтобы ее поселить. Герой находит абсурдным, что культурные люди вынуждены жить в подобных условиях. Описание лондонской квартиры являет контраст поместью Блейдсовер, где все было создано для осмысленной и комфортной жизни.

Главным представителем нового хаотичного мира в романе оказывается дядя рассказчика – Эдуард Пондерво. Он воплощает городской образ мысли и противопоставляется интеллектуальным и добропорядочным джентльменам Дрю, владельцам Блейдсовера. В приверженности к городскому образу жизни проявляется «не-английскость» героя, которая зафиксирована в его имени. Фамилия Пондерво иностранного происхождения, герой как будто не является англичанином в полном смысле этого слова. Д.Г. Лоуренс писал, что английскому характеру не удалось развить в себе «городское» начало, поэтому англичане не знают, как строить города, как к ним относиться, как

¹ Parrinder, P. Op. cit. P. 294.

в них жить¹. Не случайно Эдуард Пондерво размышляет о том, как хорошо родиться американцем.

На примере его жизни писатель изображает современную Англию, где напористые, недобросовестные методы продажи никому ненужного продукта могут возвести человека без власти, богатства на вершину успеха. И все же, открыто отрицая «систему Блейдсовера», Эдуард Пондерво всю свою жизнь неосознанно стремится завладеть Блейдсовером. На протяжении всего романа герой переезжает с одного места на другое, приближаясь к заветной цели: домик в городке Уимблхерст сменяет квартира на Гоуэр-стрит, виллу в Бекенхэм – поместье Леди Гров. Однако подлинным выражением его сущности становится дом на Крест-Хилл.

По Г. Уэллсу, те, кто не находится в тени Блейдсовера, все время ищут потерянные ориентиры. Именно это и происходит с дядей Джорджа. Покупая дома и поместья, он пытается найти опору для своей жизни и не находит, так как, не признавая «систему Блейдсовера», живет по другим правилам. Он не только не находит потерянные ориентиры, но и разрушает те, что еще остались, из-за чего происходит разложение страны, упадок Англии. Г. Уэллс считает, что прикосновение таких людей, как Лихтенштейны и Эдуард Пондерво, разрушительно для страны.

Эта мысль писателя становится особенно очевидной, когда Пондерво решает построить дом, который отвечал бы требованиям современного человека. Джордж сравнивает его с улиткой, на которую насыпали соль: «Он все рос и разбухал, выпускал рожки и щупальцы и снова рос»². План дома на Кресс-хилл постоянно менялся, к нему достраивали различные террасы, арки, переходы. Этот огромный дом является символом прогресса, показателем вершин, которых достиг герой. Из-за него начинает меняться сама структура английской деревни, поэтому Г. Уэллс называет его «оскорблением природы».

Блейдсовер изображен как райская страна Аркадия, как живописный мир порядка и гармонии. Однако это место существует только в детском воображении героя. Идеальная Англия в реальной жизни вытесняется коммерческой и индустриальной Англией, которая «заражает» английских земельных аристократов. Осознавая, что Англия-Аркадия не более, чем утопия, в конце романа Г. Уэллс тем не менее вводит мотив надежды на возрождение утраченного. Герой отправляется в путешествие в надежде обрести свою собственную Аркадию где-нибудь в другом месте.

Во втором параграфе первой главы «Аркадный мотив противопоставления города и деревни в романе Э.М. Форстера

¹ Lawrence, D. Late Essays and Articles / D. Lawrence; ed. J. Boulton. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – P. 238.

² Wells, G. Tono-Bungay [Электронный ресурс] / G. Wells. – URL: <http://www.gutenberg.org/files/718/718-h/718-h/htm>.

«Говардс Энд» исследуется «пасторальный миф» (Д. Лодж), который реализуется в образе английского сельского дома.

Подобно другим писателям эдвардианской эпохи, Э.М. Форстер размышляет о будущем Англии, ее «потенциальной и возможной эволюции»¹. Как и Г. Уэллс, Форстер создает образ сельской усадьбы, основываясь на воспоминаниях о реально существовавшем доме Рукнерсте в Хертфордшире, в котором он жил вместе со своей матерью в детстве. Впоследствии им пришлось уехать оттуда, но чувство утраты Рукнерста он пронес через всю жизнь. Оплакивая этот потерянный рай, Э.М. Форстер описывает усадьбу Говардс Энд. П. Парриндер называет эту усадьбу сконструированной Форстером Англией, образ которой базируется на неприятии действительности, на предчувствии неминуемой катастрофы². Усадьба, таким образом, одновременно выступает и символом памяти об утраченном, и моделью для создания собственной концепции Англии.

Вековая прочность, укорененность («rootedness») Говардс Энда метафорически выражается в образе дерева ильм («wuch-elm»), который вбирает в себя народное представление о соединении земли и дома. Архитектурный облик Говардс Энда выражает национальный характер, этот дом пропитан английской историей. Говардс Энд обладает «стабилизирующим чувством места и истории», которые находятся в оппозиции к «бродячей цивилизации» Лондона с его новыми квартирами и «архитектурой спешкой»³. С поместьем связана ностальгия по викторианской эпохе, на смену которой приходит современная цивилизация, воплощенная в образе Лондона. В романе «Говардс Энд» столица оказывается не просто воплощением уродливого, эстетически неприемлемого мира, как это было у Г. Уэллса, она напоминает Ад. Лондон предстает «дьявольским, узкие улицы давят, как своды шахт»⁴.

Э.М. Форстер изображает Лондон как воплощение бесконечных перемен, прекращающегося, постоянного бессмысленного движения, выраженного лексемами «continual flow» и «flux». Жизнь же в поместье Говардс Энд протекает в ином временном измерении. В своей работе «Культура времени и пространства: 1880 – 1918» Стефан Керн говорит о разрыве между «общественным» («public time») и «индивидуальным» («private time») временем в ранних романах XX века. Роман Форстера «Говардс Энд» проводит границу между «очень быстрым», «разъединяющим» временем лондонской общественной жизни («public London») и более медленной, непрерывной, кажущейся безвременной («seemingly out-of-time») жизнью в сельской местности⁵. Время в

¹ Parrinder, P. Op. cit. P. 294.

² Ibid.

³ Forster, E.M. *Howards End* / E.M. Forster. – L.: Forgotten books, 1969. P. 125.

⁴ Ibid. P. 112.

⁵ Kern, S. *The Culture of Time and Space: 1880-1918* / S. Kern. – Cambridge: Harvard University Press, 1983. P. 39.

живописном имени Говардс Энд, как и в Блейдсовере, течет медленнее, чем в постоянно двигающейся вперед «новой Англии».

По Д. Лоджу, в основе романа «Говардс Энд» лежит «пасторальный миф», связанный с главными человеческими ценностями, которые сохраняют свое значение только в «сельской местности». Понятию «country» («деревня»), в романе противопоставлено понятие «city» («город»), которое воплощает все, что наиболее опасно и порочно. Р. Уильямс в книге «Деревня и Город» («The Country and the City», 1973) понимает эту оппозицию несколько иначе. Он считает, что деревня и город сопоставлены в романе как уходящее и то новое, что возникает в процессе разрушения прошлого, и происходит это во все времена: так Сад Эдема разрушило грехопадение, Золотой век (классический период пасторали) сменился упадком античной культуры.

Образ дома Говардс Энд гармонично дополняется образом его истинной хозяйки – Рут Вилкоккс, которая стоит особняком от двух семей, изображенных в романе: Вилкоксов, с которыми ассоциируются такие понятия как империя и капитализм, и Шлегелей, представляющих культуру либеральной Англии. Главным для нее является Говардс Энд, именно с ним она себя отождествляет. Миссис Вилкоккс, как и поместье Говардс Энд, символизирует прошлое Англии, то время, которое в сознании англичан понималось как возрождение Золотого века. Не случайно Рут поклоняется прошлому («she worshipped the past»), она наделена той инстинктивной мудростью («instinctive wisdom»), которую может дать только прошлое. Эту мудрость, как пишет Э.М. Форстер, мы «неуклюже называем аристократизмом» («clumsy name of aristocracy»)¹. Рут не была благородного происхождения, но, подобно аристократам, она являлась носителем высших моральных качеств, тех качеств, которые отсутствуют у ее собственной семьи.

После смерти Рут главным в романе оказывается вопрос: кто же унаследует Говардс Энд, т.е. Англию. Нация в состоянии кризиса колеблется между империалистической Британией, представленной Вилкоксами, и культурной либеральной Англией, представленной в романе сестрами Шлегель. По Э.М. Форстеру, лишь при условии гармоничного союза Шлегелей и Вилкоксов возможно процветание Англии в будущем, возрождение Аркадии. Именно поэтому в финале романа соединяются все основные темы и мотивы: это стремление к гармонии, возвращение к истокам, духовная преемственность. Хелен Шлегель, ее сын, Маргарет Шлегель и Генри Вилкоккс – все вместе живут в Говардс Энде, на лоне природы. Кажется, что это и есть та «старая добрая Англия», которую мечтал воссоздать автор, где все возвращается к истокам и все живут в гармонии. Однако в «Говардс Энде» мир «старой доброй Англии» рушится, так как в этой Аркадии отсутствует чувство гармонии у самих героев. Таким образом, в романе Э.М. Форстера

¹ Forster, E.M. Op. cit. P. 19.

идеальный мир оказывается нежизнеспособным. Мотив скрытого разрушения, являющийся одним из концептуальных признаков образа Англии-Аркадии со времен Ф. Сидни, в финале романа выступает на первый план.

В третьем параграфе первой главы «**“Готическая” Англия как воплощенная Аркадия в романе И. Во “Пригоршня праха” (1934)**» мотив разрушения викторианского мифа находится в центре внимания.

В переходное и предвоенное время, прошедшая викторианская эпоха в сознании англичан начинает расцениваться как золотое время стабильности. Однако ностальгический взгляд в воображаемое прошлое дает писателям лишь комфортную иллюзию порядка и цельности в нестабильную, переходную эпоху. Разрушение этой иллюзии показано в романе Ивлины Во «Пригоршня праха». И. Во, в отличие от Г. Уэллса и Э.М. Форстера, не верит ни в сельские дома, ни в возможность обретения Аркадии где-либо в другом месте.

Антитезой современному миру в романе Ивлины Во «Пригоршня праха» является пространство сельской жизни, которое локализуется в аббатстве Хеттон и изображается как идеальный мир порядка, гармонии, нерасторжимой связи с прошлым. Однако, в отличие от других авторов, работающих в этом жанре (Г. Уэллса, Э.М. Форстера, Д.Г. Лоуренса), И. Во избегает романтизации сельского дома. Он пишет произведение сатирическое.

Поместье Хеттон в романе «Пригоршня праха» увидено глазами его владельца Тони Ласта, для которого оно воплощает нерушимые вековые ценности, ведущие свое начало от средневековых времен рыцарства. К. Гвидон де Кончини называет Тони Ласта «человеком эпохи готики» («a gothic man»), подразумевая под «готикой» Средневековье. Тони является «человеком эпохи готики», поскольку он, не понимая современности, живет в созданном воображением средневековом мире Хеттона и погружен в мечты о прошлом. Его «феодалная крепость» делает попытку «сдерживать натиск современности»¹, однако терпит неудачу.

На первый взгляд кажется, что Хеттон, как и поместье Блейдсовер и усадьба Говардс Энд, составляет яркий контраст настоящему с его симулятивными ценностями. Однако бережно сберегаемое наследство Тони мало чем отличается от современного мира, поскольку в Хеттоне традиция сфабрикована, аббатство не подлинно. Его архитектурные детали демонстрируют, как прошлое, история могут быть подделаны, в сущности, аббатство всего лишь «ошибка викторианского воображения»². Хеттон, построенный под влиянием викторианской моды, является лишь имитацией средневековой готики. Он такая же подделка, как и

¹ Guedon-De Concini, C. Visions and Revisions of the National Past in the British Country-House Novel, 1900 – 2001 / C. Guedon-De Concini. – Philadelphia, 2008. P. 49.

² Wasson, R. A Handful of Dust: Critique of Victorianism. Critical Essays of Evelyn Waugh / R. Wasson; ed. James F. Carens. – Boston: G. K. Hall, 1987. P.135.

современный мир. И хотя Ивлин Во рассматривает современное общество как разрушительную силу, которая ведет страну к упадку, не только современный мир может ускорить гибель английской традиции. Ностальгическая погруженность в прошлое также усугубляет процесс разрушения в настоящем. Тони как представитель английской аристократии оказывается наивной и беззащитной жертвой, на которую нападают современные «хищники». Он до последнего верит Бренде, не может представить, что она его обманула и хочет лишить Хеттона. Он живет в воображаемом мире, и эта мечта о прошлом ускоряет разрушение в настоящем.

Если в 1900-х годах Э.М. Форстер утверждал связь между прошлым и настоящим, а герой Г. Уэллса все же надеялся обрести утраченную Аркадию, то почти двадцать пять лет спустя, как свидетельствует роман «Пригоршня праха», все эти надежды оказываются ложными. В финале романа Тони Ласт уезжает на поиски средневекового Камелота в Америку. Начиная свое путешествие, он оказывается вне имперского исторического времени. Герой отождествляет себя с джентльменом викторианского типа. В викторианскую эпоху англичане становятся образцовой нацией, которая считает своим долгом нести цивилизацию, «окультуривать» население менее развитых колоний. С этим связано одно из значений концепта «джентльмен», представление о джентльмене как о человеке «цивилизованном». Цивилизованность и культурность, таким образом, становятся очень важными элементами английской национальной концептосферы¹. Тони Ласт пытается стать таким образцом для подражания и нести цивилизацию в более отсталую, на его взгляд, страну. Однако, вместо того, чтобы стать имперским завоевателем, он сам оказывается завоеванным. До конца своих дней он вынужден читать тексты Диккенса мистеру Тодду в Амазонасе. Р. Вассон усматривает в этом сюжетном ходе образ «шутовского хоровода». В романах И. Во 1920-30-х годов он тесным образом связан с архетипом Круга, ибо почти для всех героев ранних романов – Поля Пенифезера, Бэзила Сила, Тони Ласта, Уильяма Таппока – жизнь представляет собой бесцельное движение по автоматически повторяющемуся кругу. Сам образ Круга превращается у Во в символ «механической» цивилизации XX века: колесо в Луна-парке, спортивные гонки по автотрассе, движение колес огромного количества автомобилей. В «Пригоршне праха» Тони Ласт, желая найти средневековый Град, уйти от современной дикости, вновь попадает в мир варварства.

Таким образом, в романах об усадьбе первой половины XX века изображение английской сельской местности является основой для фантазии, возмещающей утопический мир утраченной Англии-Аркадии и

¹ Цветкова, М.В. Английское (English) / М.В. Цветкова // Межкультурная коммуникация. – Н. Новгород, 2001. Р. 176.

воплощающей мечту о «зеленом» убежище для тех, кто опасается травматического опыта модернизации, урбанизации и войны.

Во второй главе **«Трансформация образа Аркадии в английских постмодернистских романах»** образ Аркадии рассматривается как характерный практически для всей английской постмодернистской прозы.

Во второй половине XX века появляются новые формы существования национального мифа. Это связано с тем, что английское общество становится мультикультурным, и, соответственно, все более сложным и запутанным становится понятие «английскость». Однако мифологизированный образ Англии как Аркадии сохраняет свое значение. В конце XX века происходит осознанное конструирование «национального воображаемого» в рамках игровой постмодернистской эстетики. В то же время, концепция английскости строится на основе демифологизации и ремифологизации уже существующих компонентов национального мифа. Эта двойственность приводит к трансформации образа Аркадии в английском романе. С одной стороны, миф об Аркадии обретает новую жизнь в жанре исторического романа о национальном прошлом, с другой стороны, обнажаются механизмы его конструирования в литературе, происходит «деконструкция» образа.

В первом параграфе **«Поиск Аркадии в романе Дж. Фаулза “Женщина французского лейтенанта”»** в центре оказывается идеальный мир дворянских усадеб, воплощающий собой аркадную подлинность. Этот подлинный английский мир уходит в прошлое и его заменяет симулятивное понятие «британскость».

В сознании англичанина второй половины XX века в связи с обострившимся чувством ностальгии по былому могуществу Великобритании викторианская эпоха мифологизируется и идеализируется. Это приводит к тому, что, викторианская литература становится «огромным прецедентным текстом для творчества современных английских писателей»¹.

Роман Дж. Фаулза **«Женщина французского лейтенанта»** является практически первым неовикторианским произведением (если не считать роман Дж. Рис **«Широкое Саргассово море»**), стоящим у истоков «переписывания» викторианской прозы. Дж. Фаулз обращает свой взгляд в викторианское прошлое и переосмысливает его самый влиятельный миф – миф о поместном доме. Реконструируя в своем романе викторианскую эпоху, Дж. Фаулз прибегает к пародии в постмодернистском понимании, т.е. к пастишу. Писатель стилизует свою книгу под викторианский роман и, подражая языку викторианских писателей, «играет» с викторианским вариантом романного жанра.

¹ Толстых, О.А. Английский постмодернистский роман конца XX века и викторианская литература: интертекстуальный диалог: на материале романов А.С. Байетт и Д. Лоджа: дис. ... канд. филол. наук / О.А. Толстых. – Екатеринбург, 2008. С. 3.

Во второй половине XX века мотив подлинности/неподлинности становится одним из центральных в образе Аркадии. В романе Дж. Фаулза воплощением подлинного является живописное поместье Винзизтт, эмблематическое изображение «зеленой Англии». В художественном мире писателя «зеленая Англия» – квинтэссенция понятия «английскости».

Роман «Женщина французского лейтенанта» имеет жанровые черты романа об усадьбе. В частности, поместье Винзизтт играет в повествовании более важную роль, чем это может показаться вначале. Старинное поместье представляет собой доказательство взаимосвязи человека и природы. Этот аркадный мир несет в себе ощущение порядка, соединенное с покоем, который испытывает Чарльз при взгляде на необъятные весенние луга Уилтширских холмов. С Винзизттом связан поворотный момент в судьбе героя и его самоидентификация. Только тут Чарльз может обрести стержень жизни, который потерял, понять, кем он является на самом деле. Винзизтт определяет основные черты своих владельцев – английских джентльменов, хотя Чарльз считает, что они с сэром Робертом слишком разные люди и у них разные предпочтения. Чарльз ощущает себя человеком нового времени: агностиком, увлеченным наукой, оставившим в прошлом традиционные занятия истинного поместного дворянства. Однако настоящим современным человеком является отец невесты Чарльза – мистер Фримен. С этим героем связан мотив симулятивности, так как он, презирая в душе всех аристократов, считая их бездельниками и трутнями, тем не менее пытается вести их образ жизни. Мистер Фримен выражает дух «красно-бело-синей Британии», а главный герой и его дядя – истинные англичане, представители «зеленой Англии». Чарльз осознает свою принадлежность к «зеленой Англии» только в разговоре с мистером Фрименом. В глубине души Чарльз знает, что пытаясь выполнить свой долг перед невестой, не только потеряет лучшую часть своего прошлого, но и не сможет сохранить свою личность, спасти свой мир, быть верным истинной английскости, т.е. быть независимым. Испытывая чувство «невозвратимой потери», он изменяет своему первоначальному плану и едет в «Корабль» к Саре. Выбор героя между ней и Эрнестиной – это экзистенциальный выбор между подлинным и неподлинным существованием.

Чарльз Смитсон живет в переходную эпоху, когда, по словам А.Н. Веселовского, назревает разлад между «существующим и желанным», «ослабляется вера в прочность общественного и религиозного уклада»¹. Вместе со своей эпохой герой романа «сбивается с пути», теряет себя. Символически эта ситуация выражается в утрате поместья. В широком смысле утрата поместья – это потеря идиллической сельской Англии, идеального мира джентльменов, сельской аристократии. Чарльз Смитсон не желает приспособляться к новому миру, в котором английскость

¹ Веселовский, А.Н. Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля / А.Н. Веселовский. – М.: Буки, 2011. – С. 72.

подменяется британскостью, где коммерческий расчет отодвигает на второй план высокие нравственные качества джентльменов. Отказавшись смириться, герой, как истинный англичанин, бунтует, сохраняя при этом истинную Англию-Аркадию в своей душе.

Во втором параграфе **«Утопические и антиутопические аспекты аркадного мира в романе Джулиана Барнса “Англия, Англия” (1999)»** показано, что к 1990-м годам подлинность целиком и полностью подменяется симулякром, выражающим сущность постмодернистской культуры.

Для Дж. Барнса национальная идентичность и английскость в современном мире не имеют под собой исторической основы, которая могла бы помочь им сохранить свою подлинность. Он считает, что правда о прошлом вряд ли существует, и, раз невозможно обрести истину, то следует принять вымысел как должное. Потеря чувства подлинности, помимо общих для всего Западного мира причин, для англичан связана с историческими событиями XX века – крушением Британской империей и Второй мировой войной – которые оказали большое воздействие на их представление о самих себе. Построение новой концепции национального характера на основе исторических моделей в современной консьюмеристской культуре сатирически переосмысливается в романе Дж. Барнса «Англия, Англия», организованном по модели утопии.

В качестве постмодернистской утопии в романе описывается Англия, Англия (England, England) – модель исторической Англии, лишенная несовершенств оригинала, просветительская утопия воплощена в образе старой Англии (Anglia). Утопический мир Англии, Англия создает на острове Уайт один из главных героев романа – сэр Джек Питмен. Питмен решает вместе со своим комитетом сфабриковать для туристов острова понятие «Englishness» из «шаткой версии о прошлом Англии», учитывая представления и желания потенциальных потребителей. Джек Питмен уверен в успехе своей Девятой Симфонии, и на его стороне современная философия во главе с Ж. Деррида и Ж. Делезом, заметившими, что сегодняшний мир предпочитает симулякр подлинному. С точки зрения Ж. Делеза, симулякр – это знак, который отрицает и оригинал и копию, «изображение, лишенное сходства; образ, лишенный подобия»¹, и строится он не на соответствиях, а на различиях. Так сотрудниками Питмена был переосмыслен и изменен образ Нелл Гвин – любовницы Карла II. В облике Нелл ее создатели акцентировали черты «английской Кармен» («an English Carmen»), которой ее хотели видеть туристы. Этот образ, совершенно не типичный для английской нации, как правильно рассчитал сэр Джек, стал пользоваться огромным успехом и именно его сочли подлинным.

¹ Делез, Ж. Платон и симулякр / Ж. Делез; пер. с фр. С. Козлова.– М.: Новое лит. обозрение, 1993. – Вып. 5. – С. 49.

Созданная Питменом страна Англия, Англия имеет много черт утопического мира. Джулиан Барнс прибегает к исконно утопическому временному хронотопу «не здесь» и «не сейчас». Утопический мир Питмена отгорожен от всего остального мира, располагается на острове. Далее, действие утопического романа должно разворачиваться описывать время, которое когда-то существовало – золотой век, библейский райский сад, «старые добрые времена», либо же воспроизводит ближайшее будущее. В романе Дж. Барнса на то, что действие происходит не в настоящем, а в недалеком будущем, указывает фигура короля. Более того, Питмен как будто создал утопическое государство, где он сам выступает идеальным государем. В этой утопической стране нет ни больных, ни нищих, нет преступности и тюрем, здесь полная занятость, и труд рассматривается, как один из необходимых моментов для достижения «совершенной гармонии». Но это лишь тень, симулякр утопии.

Утопия в романе Дж. Барнса трансформируется в антиутопию, которая предполагает не просто изображение возможного будущего в пугающем виде, но, по словам В.С. Рабиновича, «спор с утопией»¹. В антиутопии изображается общество, которое претендует на то, чтобы считаться совершенным, однако с позиции ценностей показано с негативной стороны. Именно такой «спор с утопией» и представлен в романе Дж. Барнса «Англия, Англия». Остров описывается как государство, которое многие считают утопическим, поскольку в нем нет никаких социальных проблем, а главные ценности сводятся к большой зарплате и реализации себя в проекте. Но о государстве и тем более утопическом речь идти не может, поскольку на острове представлен всего лишь процесс глобализации в его сущности – транснациональная компания «Питко» поглотила государство Англию. «Идеальный правитель» Питмен не думает о своих «подданных», на острове нет больных и нищих, потому что всех выдворили в старую Англию.

С проблемой подлинности связана игра утопическими/антиутопическими мотивами в третьей части романа «Старая Англия» («Anglia»), куда ссылают главную героиню. В изображении страны просматриваются черты утопии, о которой говорили еще просветители: люди возвратились к своему первоначальному естественному состоянию, живут в гармонии с природой, вдали от цивилизации. Кажется, что перед нами возродившаяся «старая добрая Англия». Однако торжество национальной идиллии, реанимация исконно английской сельской местности не означает создания «дивного нового мира», так как эта Аркадия изображена как отсталое и пришедшее в упадок место. Страна далека от подлинной «Englishness», а жизнь в ней служит доказательством того, что границы между реальностью и имитацией размываются. Вместо людей, которые могли бы жить

¹ Рабинович, В.С. Олдос Хаксли: эволюция творчества / В.С. Рабинович. – Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2001. – С. 215.

настоящей жизнью, Барнс описывает тех, в чьем характере смешивается реальность и симулякр. Таков американец Джек Харрис, который любит выдавать иностранным лингвистам, приехавшим собирать фольклор, свои выдумки за обычаи и легенды Старой Англии.

В своем романе «Англия, Англия» Дж. Барнс показывает будущее затерянным в «головокружительной бездне симулякров». Между Англией, Англией и Старой Англией, таким образом, есть нечто общее – отсутствие подлинности. Люди в *Anglia* так и не вернулись до конца в неиндустриальное общество, они продолжают ценить современные ценности, и в результате появляются гибриды старого и нового, такие как, спортивная королева Май, или корнуэльская борьба. Поэтому утопические претензии Старой Англии, так же как и Англии, Англия не оправдываются, утопию замещает антиутопия, а Аркадию – лжеАркадия, которая раскрывает сущность постмодернистского культурного сознания.

В третьем параграфе второй главы **«Мотив разрушения Аркадии в романе И. Макьюэна «Искушение»»** устанавливаются интертекстуальные связи между романом И. Макьюэна «Искушение» и романом И. Во «Возвращение в Брайдсхед». К. Гвидон де Кончини называет роман И. Макьюэна «метафигуральным романом об усадьбе» («*metafictional country-house novel*»). Это жанровое определение указывает на специфику постмодернистского переосмысления жанра, когда роман становится одновременно рассуждением о романе. В данном случае объект писательской рефлексии – жанр романа об усадьбе, представленный романом И. Во «Возвращение в Брайдсхед».

В «Искушении» происходит разрушение национального аркадного мифа, образ дома оказывается связан с ложью, с вымыслом, которые «прячутся» за живописным фасадом идиллической английскости. Макьюэн развивает тенденцию, проявившуюся уже в первой половине века и отчетливо выраженную в постмодернистской романной прозе. В романе «Искушение» осуществляется уже не «деконструкция», но деструкция аркадного мифа, отрицается ностальгия по утерянной идеальной английскости. В «Искушении» еще больше, чем в предшествующих постмодернистских романах, переосмысливающих традицию романа об усадьбе, выделяется отрицательная характеристика дома. Сюжет романа «Искушение» строится вокруг трагического происшествия, которое происходит в английском поместье. Главная героиня романа Брайони беспочвенно обвиняет Робби Тернера в изнасилование ее кузины Лолы, что приводит к крушению семьи. И. Макьюэн показывает, как разрушение частной жизни в английском поместье оказывается связано с гибелью национальной жизни, с разрушением понятия английскости. «Частная ложь» («*private lie*»), сосредоточенная внутри поместья, соединяется с «общественным обманом» («*national deception*»), который повлиял на ход национальной

истории¹. Разрушением жизни Робби Тернера И. Макьюэн предсказывает крушение национальной жизни во время Второй мировой войны.

Вторая мировая война играет очень важную роль в романе «Искушение». Значение второй мировой войны было особенно велико, потому что именно в этот период завершается процесс «упадка и разрушения» национальных ценностей, начавшийся в Первую мировую войну. Было утрачено то ощущение безопасности, которое было связано с географическим положением страны, а также с поместьями – домами предков. В войну эти величественные здания с вековым укладом и традициями были либо разрушены, либо стали использоваться как бараки и госпитали. Уничтожение поместий символизирует утрату определенности в представлениях о том, что есть английскость. В разговоре о разрушении основ национальной жизни и даже самого понятия «английскость» важную роль играют выразительные отсылки к «Возвращению в Брайдсхед» И. Во. Вторая мировая война в том и другом романе является своего рода смысловым фоном событий.

Отношения, связывающие два текста, лучше всего могут быть выражены с помощью базового понятия постмодернистской концепции интертекстуальности – палимпсеста. Ж. Женетт считает, что любой текст – своего рода палимпсест, поскольку «пишется поверх иных текстов и неизбежно проступающих сквозь его семантику». Роман И. Во «проступает» сквозь текст «Искушения», автор ведет диалог с текстом «Возвращения в Брайдсхед», результат – переосмысление описанных И. Во основ национальной жизни. Речь идет не о прямом цитировании, а об очевидном, но требующем обнаружения, декодировки присутствии.

В романе И. Во роль Англии-Аркадии играет старинное поместье Брайдсхед, где обитает католическая семья Марчмейнов. Изображение поместья напоминает Эдем из поэмы Дж. Мильтона «Потерянный рай». Недаром у Чарльза, пришедшего в восторг от вида Брайдсхеда, вырывается крик «Вот бы где жить!» («What a place to live in!»). В раю вечное лето, не случайно знакомство Чарльза с Себастьяном и его первая поездка в Брайдсхед происходят весной и летом. А их разрыв – там же, но уже зимой, в то время, когда в доме господствует леди Марчмейн и религия.

Макьюэн также описывает сельскую Англию, традиционно наделяемую идиллическими чертами. Поместье Толлисов тоже изображается летом, залитым солнечными лучами, но характер описания совершенно иной: «Утреннее солнце, или любой другой свет, не могло скрыть уродства дома Толлисов – построенного лет сорок назад приземистого здания из красного кирпича в стиле феодальной готики»². Дом Толлисов не гармонирует с природой, как это происходит в романе И. Во, наоборот, природа подчеркивает уродство, дисгармонию и нелепость

¹ Burchardt, J. *Paradise Lost: Rural Idyll and Social Change in England since 1800* / J. Burchardt. – L.: I. B. Tauris and Co Ltd, 2002. P. 186.

² McEwan, I. *Atonement* / Ian McEwan. – N.Y.: Random House, 2001. P. 19.

этого дома, создатели которого приложили все возможные усилия, чтобы он был похож на средневековый замок. В саду Брайдсхеда герои предаются чтению книг, слушают пение соловьев, восхищаются природой. Состояние, которое появляется в этом саду – «блаженное ничегонеделание», похожее на райское блаженство. Сад же Толлисов не изумляет, не восхищает. Не случайно Робби в этом поместье решает отказаться стать ландшафтным дизайнером, в отличие от Чарльза, у которого в Брайдсхеде просыпается талант к живописи, и он становится архитектурным живописцем.

Брайдсхед говорит о богатстве и сословном благородстве хозяев. В изображении усадьбы Толлисов смешиваются разные стили – феодальная готика, классический стиль Джеймса Адама, итальянское барокко. Архитектурные детали будто наслаиваются одна на другую. Эти излишества в оформлении усадьбы говорят о высокомерии Толлисов, которые хотят показать себя аристократами, происходя на самом деле из крестьян.

Анализ показывает, что И. Макьюэн «цитирует» всю систему персонажей романа Ивлина Во. Параллельны по функциям в тексте образы леди Марчмейн и миссис Толлис, Джулии и Сесилии, Чарльза Райдера и Робби Тернера, Рекса Моттрема и Пола Маршалла, в некоторых отношениях – Корделии и Брайони, в других – Себастьяна и Брайони.

В романе И. Макьюэна образ Аркадии последовательно разрушается, и на первый план выходит псевдо Аркадия. Если Брайдсхед в романе И. Во изображается как воплощение рая, потерянного и обретенного, поместье Толлисов в романе И. Макьюэна олицетворяет иллюзию «потерянного рая», который никогда не существовал.

В **Заключении** сформулированы основные выводы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Склизкова, Т.А. Утопия и антиутопия в романе Дж. Барнса «Англия, Англия» / Т.А. Склизкова // *Знание. Понимание. Умение*. – Москва: МГУ, 2010. – №4. – С. 257 – 260 (0, 25 п.л.).
2. Склизкова, Т.А. Идиллические представления и их роль в английском модернистском романе (на материале романа Э. М. Форстера «Говардс Энд») / Т.А. Склизкова // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – Магнитогорск: МаГУ, 2011. – №1. – С. 228 – 233 (0, 4 п.л.).
3. Склизкова, Т.А. Жанровые традиции романа о сельской усадьбе (country-house novel) в романе «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза / Т.А. Склизкова // *Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение*. – Вятка, 2011. – №2(2). – С. 150 – 154 (0, 5 п.л.).

4. Склизкова, Т.А. Архитектура и ландшафтная архитектура в романах И. Во «Возвращение в Брайдсхед» и И. Макьюэна «Искупление» / Т.А. Склизкова // Взаимодействие литературы с другими видами искусства. Международная конференция XXI Пуришевские чтения. – Москва: Литера, 2009 г. – С. 118 (0,02 п.л.).
5. Склизкова, Т.А. Образ Аркадии в романе «Возвращение в Брайдсхед» И. Во и «Искупление» И. Макьюэна / Т.А. Склизкова // Художественный текст: варианты интерпретации. Труды XIV Международной научно-практической конференции. – Бийск: БПГУ имени В.М. Шукшина, 2009. – С. 308 – 316 (0, 5 п.л.).
6. Склизкова, Т.А. Образ Аркадии в английском постмодернистском романе второй половины XX века / Т.А. Склизкова // Жанр и его метаморфозы в литературах России и Англии. Материалы VIII международной научной конференции «Художественный текст и культура» и XIX международной конференции Российской ассоциации преподавателей английской литературы.– Владимир: ВГУ, 2010. – С. 101 – 107 (0, 2 п.л.).
7. Склизкова, Т.А. Утопические аспекты романа Дж. Барнса «Англия, Англия» / Т.А. Склизкова // Англистика XXI века. Материалы V Всероссийской научной конференции. – СПб: СПб государ. ун-т, 2010. – С. 76 – 78 (0, 2 п.л.).
8. Склизкова, Т.А. Концепт «Аркадия» в романе Э.М. Форстера «Говардс Энд» / Т.А. Склизкова // Россия и Восток: Язык – Культура – Ментальность. – Владимир: ВГУ, 2010. – С. 211 – 217 (0, 4 п.л.).
9. Склизкова, Т.А. Идиллические представления и их роль в английском романе XX века (на материале романа Э.М. Форстера «Говардс Энд») / Т.А. Склизкова // История идей в жанровой истории. Международная конференция XXII Пуришевские чтения. – Москва: Литера, 2010 г. – С. 123 (0, 02 п.л.).

Подписано в печать 06.02.2012 г.
Формат 60x84 /16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Гарнитура (Times).
Усл. п.л. 1,55. Заказ № 326.
Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинала-макета в
АНО «Типография на Нижегородской».
600020, Б. Нижегородская, 88-д.
Тел.: 8 (4922) 32-21-61

102